

Александр Кудрявцев,
доцент ГИИК Узбекистана,
кафедра “Режиссура кино, ТВ и радио”

kudriavtsoff@mail.ru

**БАХОДЫР ЮЛДАШЕВ.
ТЕАТРАЛЬНАЯ ВСЕЛЕННАЯ РЕЖИССЁРА**

***Аннотация.** В данной работе анализируется творческое наследие режиссёра Баходыра Юлдашева. Кроме этого рассматривается его постановочные приёмы и режиссёрские уроки.*

***Ключевые слова:** режиссёр, сверхзадача, атмосфера, репетиция, мизансцена*

***AnnotatsiY.** Ushbu maqolada rejissyor Bahodir Yo‘ldoshevning ijodiy merosi tahlil qilinadi. Bundan tashqari, uning sahnalashtirish texnikasi va rejissyorlik darslari tahlil qilinadi.*

***Kalit so‘zlar:** rejissyor, vazifa, atmosfera, mashq, mizanssena*

***Abstract:** This work analyzes the creative legacy of director Bakhodir Yuldashev. In addition, his staging techniques and directing lessons are analyzed.*

***Key words:** director, super task, atmosphere, rehearsal, mise en scene*

Только через год после его ухода я смог собраться и написать этот текст. Так стало пусто внутри после 17-го мая 2021 г., что ни строчки, ни слова не мог заставить себя написать. Даже зная, что происходящее тогда было неизбежностью, не верилось, что болезнь и возраст сильнее него. Не хотелось верить. Но когда раним майским утром раздался звонок из «Дийдора» – «Баходыр-ака больше не с нами...», я понял, что мир уже никогда не будет прежним. Тем, в котором вчерашнего выпускника режиссёрского отделения Института Культуры взяли с легкой руки моего театрального крестного-известного столичного критика Камариддина Артыкова, в театр «Ёш

Гвардия» 17-го декабря 1992 года. Взяли осветителем. Взял к себе легендарный уже тогда Баходыр Юлдашев, усмехнувшись при личном знакомстве, в почти черные тогда еще усы. «Я тоже так начинал. Не побоишься таскат прожектора и бэбики и лазит на световые ложи и софиты? Тогда мархамат, добро пожаловат в наш живой театр». Ключевое слово - «живой»! А не – «прожектора, ложи, софиты и бэбики». Мне, вместе с синим рабочим халатом, выдали бесконечный кредит этого живого театра, бесценный карт-бланш в виде репетиций мастера. Бери, смотри, учить, пользуйся. И если обычный мир для меня сузился до размеров окошка осветителя, то мир театральный распахнулся безгранично. В институте я осваивал, прежде всего, книжную теорию режиссуры от мастеров курса, которые... сменялись каждый год. В театральной независимой студии «302-БИС» - наполнялся чувством свободного творчества... но среди таких же, как и я – молодых и дерзких. В «Ёш Гвардии» же, на репетициях Баходыра Турсуновича, меня с головой захватила-покорила-влюбила в себя именно практика театра. Ежедневная. Сложная. Профессиональная. Именно там, на репетициях «Искандара» А.Навои, «Фаридуна» А.Фирдауси, «Процесса из-за тени осла» Ф.Дюрренматта, «Великого Шёлкового пути» М.Бафоева. На прогонах и вводах уже идущих «Проделок Майсары» Хамзы, «Нодирь-бегим» Т.Тулы, «Аршина мал алана» У.Гаджибекова, «Мамуры-кампир» Ж.Сармана. На площадных и всевозможных массовых проектах в Ташкенте и Самарканде. Вот тогда-то я и начал понимать из каких атомов-кирпичиков складывается живой театр. Именно из таких, как у Баходыра Турсуновича, точных и подробных режиссёрских читок и разбора пьес, «побуквенных» сверок и правок текста, творческих репетиций, стремительных монтаровок и бесконечных прогонов. Именно тогда я и понял, что такое исходное событие как ведущее предлагаемое обстоятельство, правильно найденное сквозное - единственно верное действие, обострение, прямо «закручивание донельзя» конфликта, столкновение сторон так «чтобы искры летели», жанр, как отношение к происходящему, второй-третий-четвертый планы, сверх и

сверхсверхзадачу, и композиционное построение любого спектакля. То, о чём читал и слышал у К.С.Станиславского, П.Брука, Г.Крэга, Е.Гротовского, Г.А.Товстоногова (одного из учителей Б.Т.Юлдашева), А.Эфроса, но не видел воочию. Его репетиции это был отдельный спектакль. Столько импровизации, вариаций на заданную тему, точных и ярких актёрских показов-манков, и всё это при твердой уверенности, куда должен двигаться спектакль целиком. Его музыкальность и поэтичность, даже в построении мизансцен. Масштабность и эпичность. И при этом нацеленность на конкретную человеческую душу. Бескомпромиссность в достижении конечного результата – никакой усталости или позднего времени у него не было. Гибкость при появлении новых мотивов роли, которые приносили актёры. Глубочайшее знание материала и литературного, и исторического, и бытового. Требовательность к закреплению найденного рисунка роли. Интуиция и решительность. Отдельно – его сигареты, одна от другой и с десятков чайников зелёного чая за пару репетиций за день. И еще многое-многое другое, без чего бы так и не стал режиссером, оставшись амбициозным выпускником профильного ВУЗа. Брал, смотрел, учился и пользуюс до сих пор. Всем и всегда говоря, что этому я научился у Юлдашева de-facto, и пусть не обижаются те, кто у него учился de-jure.

Я жил совсем недалеко от театра и часто приходил одним из первых и уходил одним из последних. Тем самым – одним, был Баходыр Турсунович, хотя жили мы тогда по соседству, через дорогу. Забегаеш засветло во дворик театра, а он уже там, под раскидистым тутовником, в накинутом на плечи пиджаке и с вечной сигаретой. «Ну что, как думаешь, получится сегодня что-нибудь стоящее?» - вместо пресного приветствия. «Конечно, получится!» - в ответ. Днём или вечером, если был спектакль, часто видел его сидящим в зрительном зале. В темноте он тихонько садился на крайнее кресло и смотрел спектакль, как обычный зритель. Если верил – щедро одаривал своими эмоциями, смехом или слезами. Если видел халтуру или грубые неточности, вызывал к себе всех после спектакля. Невзирая на звания, регалии и премии.

А ночью, волоча ночи от усталости по опустевшему дворику, видел, как горит свет в его кабинете, и его кудрявая голова мелькает за стеклом среди почти ежедневных многочисленных гостей, только и ждавших, чтобы поднятост за живого классика. Из чего он был? Из стальной воли? Из карбоновой верности хорошей литературы, музыки и живописи? Из титановой преданности профессии с алмазным напылением в виде любви к своему детищу-театру?

И это ежедневное присутствие на его репетициях не прошло даром. Уже через год Баходыр Турсунович дал добро на моноспектакл «Записки сумасшедшего» Н.В.Гоголя на малой сцене театра. Потом на драму «Спокойной ночи, мама» М.Норман. А позже, уже когда я вернулся в театр им.А.Хидоятова, в 1999 году, без вопросов и сомнений утвердил на большой сцене, опят же с подачи К.Артыкова, моего «Полковника, которому никто не пишет» Г.Г.Маркеса, «Белое облако Чингисхана» Ч.Айтматова и «Бильбо Бэггинса» Дж. Р. Р. Толкина. Приходя на сдачи-премьеры, смотрел, что-то советовал, и , уходя, благодарил, прежде всего, за живой театр. Эти его слова поддержки дороже всевозможных дипломов-грамот-наград в сотни... нет, в тысячу раз.

Мне повезло еще и вдвойне ещё, что я оказался «в нужном месте и в нужное время», когда Баходыр Юлдашев, не побоявшись постановочных вызовов и сравнений, сделал то, что я уже много лет называю «театральным ренессансом». Настоящим и личным ренессансом. Баходыр Турсунович (опят же, не без активного участия К.Артыкова) пригласил в середине 90 –ых в переименованный из «ЁшГвардии» в театр им. А.Хидоятова почти всех самых интересных режиссёров-постановщиков Средней Азии. Таджикив Барзу Абдураззакова для «Отелло» У.Шекспира и Фарруха Касымова для «Электры» Софокла. Туркмена Овлякули Ходжакулиева для «Женщины в песках» К.Абэ и «Дома Бернарды Альбы» Ф.Г.Лорки. Казаха Бекпулата Парманова и ташкентского художника Сергея Седухина для детской сказки «Цветущий урюк». А еще там были наши Наби Абдурахманов и Олимжон

Салимов, для которых его сцена всегда была открыта. Целое созвездие таких мастеров и все на одной сцене, всё из одного моего окошка, в конце зрительного зала. Разные школы, разные подходы, темперамент, приёмы, языки и разная драматургия. Но все режиссёры - живые и ищущие. Под стат ему самому. Кто из вчерашних студентов, еще может похвастат такой театральной коллекцией, собранной всего за пят лет моего «осветительства»? А уж тем более из нынешних...

Следующий мой этап общения с Мастером называется «Дийдор». Туда меня, приехавшего после стажировки в питерском РГИСИ, словно предвидя мою хандру от возвращения в родные «пенаты», позвал Баходыр Турсунович в ноябре 2018 года для преподавания «Актерского мастерства». Условие одно - живые студенты для живого театра. И потом уже, после первых показов и экзаменов, снова предложение в его стиле – эпическая трагедия «Добрый человек из Сычуаня» Б.Брехта! Ту пьесу, которую он сам давно хотел поставить, но передоверял мне. Думал я долго. И уровень драматургии и её «густонаселённость», «многособытийность», трагичност и неизбежност происходящего, и главное – актёрская, студийная основа. Советовался с разными театрами. Перечитывал не один раз пьесу и слушал зонги. Смотрел фильмы и спектакли. Согласился, потому что Мастер заразил меня этой историей о самом последнем добром человека на Земле. Много говорили, обсуждали с ним будущий спектакль. Радовались, что почти всё совпадает. Репетировали. Даже во время пандемии. Меняли состав. Добавляли актёров основной труппы «Дийдора». Приглашали композиторов. Готовили эскизы декорации и костюмов. Брали паузы для сверки и закрепления. Снова репетировали. Не сложилось, не успели. Кажется это, ввиду масштабности предполагаемого спектакля, предвидел Баходыр Турсунович, когда сказал мне, улыбнувшись, после показа ему последнего прогона - «Спектакли не на сцене. Они у нас, режиссёров, в голове». Словно предвидел. Как будто «репетировал это уже завтра»...

Как и все талантливые личности Баходыр Турсунович был непростым человеком. Очен сложным, многослойным. Жестким. Упрямым. Принципиальным. Настойчивым. Раздражительным. Резким. Часто непредсказуемым. Ироничным. Саркастичным. Увлекающимся. Доверяющим. Но не всем. А тем, кому доверял, верил даже «наперёд». Доступным и искренним в общении всем, от простого монтировщика до министра. Неприхотливым в жизни и чрезвычайно требовательным на сцене. Отрицающим многое и соглашающийся на невероятное. Иногда с определённой долей театрального авантюризма. Легкий на подъем и тяжёлый, безжалостный на разборе. Нетерпимый ко всякой «закулисной возне». Пример - узнав, что о собираюс уйти из ГАРДТ Узбекистана, поддержал - «Верное решении. Я и сам так уходил из театра им.Хамзы. Иначе так замарают, век не отмоешься. Режиссёр не должен собират склоки и бороться за труппу с дирекцией. Он должен заниматься творчеством». Без всех этих качество было бы невозможно построит три театра и выпустит такое огромное количество учеников и последователей. Его можно сравнит с яркой большой звездой в самом центре театральной вселенной. Совсем близко к нему нельзя было приближаться, можно было необратимо обжечься в лучах его профессиональной требовательности и непримиримости всякой театральной пошлости, вторичности и мелкотемью. А еще он точно чувствовал, когда его ученик должен был отправиться в свое, самостоятельное плаванье и предлагал ему это, как бы он не был ему дорог и близок. Покидат же его притяжение было равносильно суицидальному забвению. Но даже те, кто сошли с его орбиты, в один голос признают влияние и с благодарностью вспоминают Мастера. Последние годы – больше грустным и молчаливым. Примиряющимся с собой и, увы, с окружавшей его действительностью, прежде всего театральной. В которой он ждал нового, большого, специального здания для «Дийдора», а не очередного звания или ордена. В которой он думал о наборе именно

режиссёрского курса. В которой список ушедших родных и близких ему людей становился всё длиннее и длиннее...

Не знаю, что там, в космосе, образуется после взрыва звезды – черная дыра или новые планеты? Но в случае с Баходыром Турсуновичем образовался вакуум. И не с точки зрения развития самой режиссерской профессии или общего театрального процесса страны, нет. Об этом уже написано многое и уверен, будет еще больше, от театроведов, критиков или чиновников от минкульта, им сподручнее и уместнее. Пустота образовался внутри меня. Схожая с пустотой от ухода его главного художника - Георгия Робертовича Брима (отдельный поклон за знакомство с этим Человеком Театра), его самого близкого друга, почти в такие же весенние дни - 19 мая, только 1999 года. Уверен, они там - два осенних патриарха, на весеннем облаке, снова сидят и обсуждают новые спектакли и проекты, может быть новый театр. Необычный - восточный, который они хотели построят на месте Чорсу-базара, с настоящими ховузами и топчанами вместо обычных кресел зрительного зала. «Ну что, как думаете, получится сегодня что-нибудь стоящее?» - вместо невозможно формального приветствия. «Конечно, получится!» хотел бы в ответ. Но теперь только во снах. Частых. И долгих беседах там, с ним. А наяву нам теперь, осиротевшим, испуганным и потерянным, остается только гадать по отдельным ярким премьерным кометам, куда мы дальше будем двигаться. Чаще всего в «Дийдоре», который теперь носит его имя и прирастает заботами нового худрука, его сына – Бобура Юлдашева. Но уже без него, решившего вернуться домой, к родителям, на малую родину в Каттакурган, предпочтя её столичному Чигатайскому некрополю. Без учителя, старшего товарища и большого художника из того самого окошка осветителя. Которому благодарен, пока жив и буду помнить до самого последнего своего дня. Спасибо за всё, Баходыр Турсунович...

Список литературы:

1. М. Туляходжаева. История театра. Узбекский театр периода Независимости. – Ташкент: Им-Ziyo-Zakovat, 2021.
2. Bahodir Yo'ldoshev: Suhbatlar. Maqolalar. Esdaliklar. To'plam. – Toshkent: O'zbekiston Respublikasi Fanlar Akademiyasi San'atshunoslik instituti, 2015.